Андрей Львович Ливадный
Вынужденная посадка

* * *

Серебристый корабль оргорцев совершал вынужденную посадку.

Около тридцати суток назад, по локальному бортовому времени, он появился в переделах безымянной звездной системы, чтобы осуществить плановую картографическую разведку, но его экипажу, состоявшему из двадцати существ, не удалось выполнить задуманное – спустя час после своего появления они были внезапно атакованы огромным, черным как ночь кораблем.

Схватка, избежать которой не было возможности, обещала быть долгой и разрушительной.

Оба космических скитальца обладали воистину чудовищными размерами и такой же трудно измеримой мощью. Они кружили в пространстве, подобно двум фантастическим птицам, поражая друг друга жалящими стрелами когерентного света, который пятнал вишневыми бликами их оперение.

На беду серебристый корабль вошел в границы этой системы не в плоскости ее эклиптики, а под острым углом к ней в районе четвертой планеты.

Черный корабль прятался за ней, скрываясь в гравитационном поле от детекторов картографического крейсера оргорцев. Благодаря такой маскировке он смог напасть внезапно, и теперь, во время боя не гнушался то и дело прикрывать себя шаром планеты, как щитом.

Схватка титанов длилась несколько суток. Громадные корабли маневрировали медленно и осторожно, словно не дрались насмерть, а всего лишь исполняли удивительный по своей зловещей красоте танец.

Планета, в пространстве которой они кружили, лежала внизу, мертвая и совершенно безучастная к происходящему. Она была небольшой, напрочь лишенной атмосферы, давно остывшей. На ней никогда не было и не могло возникнуть жизни, но те, кто управлял черным кораблем, прекрасно знали, как трепетно относятся оргорцы ко всем творениям природы, неважно, живая планета или мертвая, и потому ледяная каменная глыба действительно служила черному кораблю хорошим щитом – серебристый крейсер избегал стрельбы в тех случаях, когда лучи тысячемегаваттных лазеров могли задеть ее.

Со стороны оргорцев это было мудро, ведь совокупная мощь когерентных излучателей их корабля запросто могла превратить планету в сонмище астероидов, а вот черный корабль, похоже, не смущали подобные обстоятельства. Он уже оставил на изрытых метеоритными кратерами

равнинах несколько десятков глубоких надрезов, из которых, будто кровь из свежей раны, начала выступать лава. Мертвый шар, оказывается, обладал горячим ядром. За миллиарды лет своего существования кора планеты остыла лишь снаружи, и тектонические процессы в ее недрах все еще продолжались.

Это обстоятельство в конце концов и сыграло роковую, решающую роль в схватке двух исполинов.

Крейсер оргорцев уже нанес черному кораблю серьезный урон, и в исходе противостояния трудно было усомниться, глядя, как за черным кораблем тянутся многокилометровые шлейфы кристаллизованного газа и мусора, выброшенного под давлением из многочисленных уродливых пробоин в его обшивке.

Серебристый корабль также получил некоторые повреждения, но они не шли ни в какое сравнение с разрушениями, причиненными черному крейсеру.

Оргорцы были гуманистами по своей сущности, и единственным исключением из правил милосердия было для них отношение к Черным – именно поэтому корабль-победитель не оставил агрессоров в покое, а продолжал полосовать смертоносными лучами, теперь уже с убийственно короткой дистанции.

Единственное, чего не смог принять в расчет экипаж картографического крейсера, – это дьявольскую изобретательность Черных и их неискоренимую ненависть ко всему сущему.

Они не были согласны просто погибнуть, признав поражение.

Нет. Черным нужно было сделать так, чтобы даже их смерть потрясала.

Корабль фактически уже разваливался на куски, когда его излучатели произвели последний синхронный залп из нескольких сот лазерных установок.

Он был направлен в планету.

* * *

Крайгу было трудно дышать.

Фрагмент деформированной переборки, вдавленный внутрь отсека, зажал его грудь, словно в тиски. Скафандр, по счастью, остался цел, руки и ноги невредимы, но двигаться Крайг не мог. Смятый в гармошку металл ощутимо давил на грудь, не оставляя никакой реальной возможности выскользнуть из узкой щели, не порвав при этом материал скафандра. Под руками не оказалось никаких инструментов. Единственные действия,

которые он мог осуществлять в данном положении, – это поддерживать связь с уцелевшими членами экипажа и дотягиваться одной рукой до резервного пульта управления кораблем.

Стараясь отвлечь свой рассудок от удручающих мыслей, командир картографического крейсера попытался оглядеться по сторонам, насколько позволял жестко соединенный с шейными кольцами гермошлем, но и это не принесло ожидаемого облегчения.

Рубка управления была разрушена намного серьезнее, чем это показалось в первый момент после катастрофического удара.

Из сотен плотно пригнанных друг к другу экранов внешнего обзора уцелели лишь несколько десятков отдельных мониторов, и потому картина, транслировавшаяся на них, казалась фрагментарной – словно панораму окружающего космоса разрезали на сотню квадратиков, а потом большую часть из них просто убрали…

Однако даже такое частичное восприятие окружающего корабль пространства угнетало, подавляя и без того травмированную психику.

Последний залп Черных разрезал желтовато-серую планетку на тысячи неравных кусков, а внутреннее давление ее раскаленного ядра вмиг довершило начатое безумцами дело разрушения, разорвав обломки шара еще на миллионы уродливых, уже лишенных какой-либо симметрии глыб, меж которыми пролегли фантастические по своей зловещей красоте мосты застывшей вулканической породы.

Крайг с содроганием вспомнил свою беспомощность в миг катастрофы. Все случилось так неожиданно, что не было никакого шанса повлиять на ситуацию, и ему оставалось только смотреть, как после чудовищного взрыва часть новорожденных астероидных глыб ударила в крейсер, смяв, будто фольгу, его силовые поля, а затем и обшивку. И вот теперь огромный, величественный корабль, потеряв управление, беспомощно плыл среди угрожающего каменного соседства, влекомый в неизвестном направлении гравитацией астероидной массы. Крайг машинально предположил, что спустя несколько миллионов лет астероиды растянутся по орбите, которую ранее занимала их прародительница, вращаясь между мутно-красной планетой и ее ближайшей соседкой, укутанной в голубовато-серый облачный покров.

Впрочем, экипажу крейсера уже не суждено было донести до сведения цивилизации Оргора реальную картографию этой удаленной Солнечной системы, расположенной в самом конце одного из спиральных рукавов Галактики.

Вряд ли кому-то из них удастся спастись, а уж о том, чтобы

восстановить корабль и продолжить полет, не могло быть и речи…

Его мысли прервал вызов коммуникационного устройства скафандра.

– Командир? – раздался по связи дрожащий, прерывистый голос Глэты.

– Да… Я тут. Со мной все в порядке, – как можно спокойнее ответил он.

– Крайг, мы не можем пробраться к тебе. Все магистральные коридоры смяты, сплющены… – В ее голосе звучало отчаяние.

– Сколько членов экипажа уцелело? – переварив удручающую новость, осведомился он, радуясь, что голос не дрожит.

– В моем отсеке никого… Была связь с четвертой палубой, но они перестали отвечать на вызовы минут десять назад. Туда пошел Борг.

– Понятно… Кто еще?

– Реакторный цел. Вагнил разговаривал со мной по аварийному каналу.

– Значит, я, ты, Борг и Вагнил? – уточнил командир. – Это все?

– Да, если не удастся восстановить контакт с Эритронгом из четвертого.

– А что с автоматикой?

Глэта некоторое время молчала, очевидно, сверялась с показаниями приборов в рубке астрогатора.

– Плохо, Крайг. Большинство коммуникаций нарушено. Работают резервные линии управления, но прямая связь через оптико-волокно между основными постами отсутствует.

– Да, скверно… – согласился командир. – Получается, что мы можем слышать друг друга, но наши терминалы не в состоянии поддерживать прямой обмен данными?

– Выходит, что так… – упавшим голосом согласилась Глэта и тут же добавила:

– Крайг, я боюсь… за тебя.

– Я тоже боюсь… – признался командир. – За нас всех. Но это еще не повод опускать руки.

* * *

Спустя некоторое время стало очевидно, что уцелели лишь четверо членов экипажа из двадцати.

Учитывая повреждения, которые нанесли кораблю астероидные глыбы, их положение становилось отчаянным. Ситуация усугублялась еще и тем, что картографический крейсер Оргора был слишком велик – он

представлял из себя эллипсоид десятикилометровой длины. Обычно перемещение экипажа внутри корабля осуществлялось посредством скоростных капсул, которые под управлением центрального бортового компьютера сновали по каналам гравишахт. Теперь шахты не работали, система бортового компьютера, расчлененная многочисленными повреждениями коммуникаций на отдельные, изолированные друг от друга блоки, также вышла из строя.

– Крайг, мы не успеем вытащить тебя. – Это был голос Борга, главного астрогатора крейсера.

– Я знаю, – ответил командир. Он уже пережил самые страшные минуты в своей жизни и потому смог говорить, как и подобает капитану, – более или менее контролируя собственные эмоции. Капельки ледяного пота, выступившие на лбу, были не в счет – никто из экипажа не мог видеть его лица. – У меня есть идея, Борг.

– Какая?

– Относительно наших дальнейших действий.

Крайгу казалось, что он видит, как саркастически усмехнулся астрогатор.

– Ничего не выйдет, капитан. Корабль неуправляем. Я уже вывел на орбиту вокруг крейсера автоматический зонд. Вся обшивка в районе залов управления исковеркана, антенны локационных систем смяты, все покорежено. Думаешь, мы уже не пытались провести к тебе хотя бы робота?

– Я не о себе, – ответил ему Крайг. – Я говорю о вас и о корабле. Повреждения можно исправить.

– Каким образом? Доступ к большинству отсеков перекрыт.

– Нужно посадить корабль на планету. Тогда вы сможете выбраться наружу, разбаррикадировать внутренние ангары с планетарными роботами, и они восстановят корабль менее чем за год.

– Это невозможно. Мы не сможем даже сблизиться с планетой. Корабль неуправляем. Бортовой компьютер более не владеет ситуацией.

– Я могу дотянуться до резервного пульта управления, – ответил ему Крайг. – Ты и Вагнил лучшие астрогаторы флота. Я знаю, что вы сможете вручную рассчитать все необходимые маневры для сближения и посадки. Компьютерная связь нарушена, но я могу набрать директивы вручную.

– Мы не пойдем на это, командир. Если мы займемся расчетами, то кто тогда станет вытаскивать тебя?

Крайг немного помолчал. Несколько секунд потребовалось ему, чтобы собраться с духом.

– Меня не нужно вытаскивать, – наконец произнес он. – Это приказ. Пусть Глэта возьмет на себя управление реакторами, вы с Боргом рассчитаете курс сближения и маневр посадки на третью планету, а я буду вводить необходимые команды с терминала ручного управления. Так мы сможем спасти корабль.

– Крайг, прекрати! Мы не пойдем на это! – ворвался в эфир дрожащий голос Глэты.

– Перестань, – ответил ей Крайг. – У нас остается всего двадцать часов. Потом у меня кончится кислород. За это время вы не успеете преодолеть и половину пути до рубки. В результате погибнут все. Я не хочу больше слушать глупые возражения. Действовать надо так, как сказал я. Это приказ.

* * *

Спустя девятнадцать часов все расчеты были окончены, и Крайг дрожащими от усталости пальцами набрал на пульте ручного управления последнюю директиву уцелевшим автоматическим системам управления.

Оставался час.

Лучше бы его не оставалось.

Крайг понимал, что может оборвать свои страдания, если просто поднимет руку и откроет механические замки гермошлема.

Он никогда не думал, что это будет так тяжело сделать. Физическая смерть всегда рисовалась ему чем-то далеким и нереальным. Даже сейчас, глядя на покрасневший индикатор кислородного ресурса, ему не верилось, что встроенный во внутренний обод забрала хронометр отсчитывает его последние минуты.

– Крайг… – раздался в коммуникаторе осипший голос Глэты. – Крайг, любимый, послушай меня…

– Да? – он старался произнести это бодро, но не получилось.

– Ты должен отключить терморегуляцию скафандра, – глотая слезы, произнесла Глэта.

– Зачем? – его голос предательски дрогнул.

– Я… Я не могу… Мы не можем потерять тебя, Крайг.

Он не понимал, к чему она клонит.

– Глэта, ты предлагаешь мне замерзнуть?

– Крайг, это будет мучительно… Я знаю!.. – Глэта кричала в коммуникатор, сама, очевидно, не замечая того. – Но ты должен это сделать, пока не наступило удушье! Поверь мне!.. Ты должен заморозить себя, пока не нарушен биохимический баланс клеток твоего головного

мозга!

– Зачем?

– Я воскрешу тебя, любимый!.. Клянусь Оргортой, нашими не рожденными детьми, я сумею трансплантировать твой мозг в новое тело! Я выращу твоего клона, и когда будет восстановлен бортовой компьютер, медицинский комплекс сделает пересадку!..

– Подожди… Я понял… Не кричи, пожалуйста!.. – У Крайга закружилась голова. На миг ему показалось, что уже наступает удушье. Бросив взгляд на индикатор, он понял, что это не удушье, а потеря самоконтроля.

Смерть приближалась, и это было невыносимо.

Еще немного, и он не сможет владеть собой.

Нужно решать. В словах Глэты присутствовал призрак надежды.

– Хорошо… – прохрипел Крайг. – Только не надо больше разговаривать со мной. Я… Я попытаюсь…

Несколько минут потребовалось командиру, чтобы решиться.

Он высунул язык и смотрел на крохотный сенсор, расположенный у подбородка на тонком внутреннем ободе забрала.

Стоило лишь коснуться его кончиком языка…

Он дрожал всем телом, липкий пот струился по спине.

Как страшно… Как невыносимо страшно умирать…

Кончик языка ткнулся в сенсор.

* * *

Атмосфера планеты была серо-голубой, и когда запрограммированные Крайгом автопилоты повели корабль на посадку, то оставшимся в живых троим членам экипажа стало ясно, отчего она именно такая.

Вот с какой целью Черные посещали эту удаленную звездную систему! Оказывается, они нашли планету, пригодную для колонизации и, как обычно, стали действовать в своем духе – наплевав на существующую здесь жизнь.

Глэта смотрела в глубины обзорного экрана, и ей не верилось, что некоторое время назад этот мир был солнечным, теплым, зелено-голубым…

Сейчас в нем властвовали холод и сумрак.

Виной тому были миллиарды тонн пыли, поднятые в атмосферу падением исполинского небесного тела, скорее всего крупного астероида, насильственно сведенного Черными с его орбиты и брошенного вниз, в гравитационные объятия планеты.

Цель у такого варварского воздействия была одна: в корне изменить

климат и если не уничтожить полностью, то существенно ослабить господство исконных биологических форм жизни.

Этот мир, увы, был не первым, подвергшимся подобной «обработке» со стороны Черных.

Эти существа, с которыми оргорцы столкнулись много веков назад, еще на заре своей космической экспансии, являлись выходцами с холодной планеты, непрозрачная атмосфера которой содержала мало кислорода и отражала тепло лучей материнской звезды.

Похоже, теперь к их колониям прибавится еще один пыльный, холодный и мертвый шар.

Немногочисленные, уцелевшие в катастрофе видеодатчики, разбросанные там и тут по искореженной обшивке картографического крейсера, демонстрировали унылые панорамы сегодняшней действительности этого мира.

Сквозь мутный воздух проглядывали очертания материков.

Корабль снижался над одним из них, производя все маневры в автоматическом режиме, и Глэта, которая изнывала от беспокойства и вынужденного бездействия, машинально щелкала переключателем видеорежимов, стараясь скрасить томительные часы плавного снижения хотя бы поверхностным знакомством с тем миром, который должен был стать их пристанищем как минимум на ближайший год.

Разглядывая проплывающие внизу ландшафты, она вскоре пришла к выводу, что варварская акция Черных все же оказалась не столь убийственной, как могло показаться вначале. Воздух планеты был мутным, но сквозь него все же проглядывали зелень лесов и блеск не замерзшей воды. Похолодание наступило, но оказалось не таким резким и катастрофичным, как рассчитывали Черные. Возможно, появление крейсера оргорцев помешало им еще более усугубить катастрофу, обрушив на планету вторую астероидную «бомбу». Кто знает, может быть, своим появлением в системе оргорцы и вправду спасли этот мир от окончательного вымирания всей исконной жизни?

Мысль об этом делала горечь утрат чуть менее резкой.

Глэта продолжала неотрывно смотреть вниз и вскоре поняла, что истинными хозяевами данного мира были до последнего времени исполинские ящеры.

Теперь они, похоже, стремительно вымирали не в силах вынести наступившего глобального похолодания.

Над избранным для посадки участком материка едва наступило утро, и почва была покрыта толстым, пушистым инеем от ночных заморозков.

Причудливые зеленые растения тяжело клонили свои обледеневшие травянистые стебли к скованной хрупким ледком прибрежной кромке воды. Река, рассекая погибающие папоротниковые джунгли, петляла между пологими холмами. Растения с полыми зелеными стволами покрывали ее берега сплошной стеной. В нескольких местах у воды высились мертвые исполины. Некоторые ящеры были скованы морозом и прекрасно сохранились, а иные оказались обглоданными до скелетов.

Кладбище величиной с планету. Смотреть на это было жутко и больно.

Запустелое уныние царило над материком, пыльный морозный воздух казался неподвижным, а низкие облака клубились над самой головой, скрывая стылую землю от лучей солнца.

Но все же ситуация внизу оказалась не совсем безнадежной, и спустя какое-то время Глэта уже наблюдала иные картины.

Вот по берегу реки пробежало несколько маленьких, шустрых существ. Не обращая внимания на исполинский корабль оргорцев, который практически бесшумно скользил на антигравах, они собрались подле промерзлой туши погибшего, наполовину занесенного речным илом ящера и принялись настойчиво теребить его толстую шкуру, пытаясь добраться до скрытой под ней плоти.

Рядом несколько животных схожей формы лениво жевали увядшие, ломкие от мороза побеги упавшего поперек течения хвоща…

Нет, определенно этот мир не погиб – жизнь продолжала теплиться на его поверхности, а значит, оставалась и надежда, что со временем поднятая в атмосферу пыль уляжется, воздух снова начнет пропускать лучи светила, и солнце согреет промерзшую землю… Только царить тут теперь будут совершенно иные виды животных и растений. Век хвощей, папоротников и исполинских ящеров закончился, наступала новая эра… Безжалостное вмешательство Черных убило одни виды и открыло эволюционную дорогу другим, более приспособленным к внезапно наступившим суровым условиям.

* * *

Первые несколько дней после посадки трое выживших оргорцев занимались осмотром корабля.

Это занятие отняло много сил, как физических, так и моральных.

Крейсер был разрушен процентов на двадцать, и на его восстановление требовалось намного больше времени, чем предполагал Крайг.

Тело командира, отдавшего свою жизнь во имя благополучной посадки крейсера, извлекли из обломков ходовой рубки в первые же часы после приземления. Все это время Глэта старательно сдерживала свои эмоции, не давая воли душившим горло спазмам, но, увидев Крайга, которого несли на руках Борг и Вагнил, она не выдержала, разрыдалась.

Однако это оказалось не самым сильным потрясением для Глэты, ведь она искренне и страстно надеялась на то, что сумеет выполнить данное Крайгу обещание.

Трудно представить весь ее ужас и отчаяние, когда при осмотре корабля выяснилось, что наряду с управляющими залами наибольшим разрушениям подверглись именно отсеки криобиологических лабораторий.

Глэте казалось, что в этот день закончится и ее жизнь. Отчаяние было черным, глубоким, как омут.

* * *

– Что ты делаешь, Глэта? Зачем ты убила это бедное животное?

Глэта подняла на Вагнила взгляд усталых, покрасневших глаз. Их разговор происходил под куполом временной биолаборатории, развернутой подле одетого в ремонтные леса корабля.

– Этого не избежать, Вагнил. Я исследую выжившие на планете виды, чтобы составить отчет для руководства на Оргорте, а заодно пытаюсь выполнить обещание, данное мною Крайгу.

– Ты очень много работаешь, Глэта и мало заботишься о своем здоровье.

– Зато я добилась значительных результатов в исследованиях.

– Да? И что тебе удалось обнаружить?

Глэта повернулась к Вагнилу. Задумчиво посмотрев на него, она ответила:

– Этот мир разительно напоминает наш родной Оргорт… Ты можешь себе представить, что здесь эволюция также породила примитивных теплокровных млекопитающих?

Вагнил был сильно удивлен ее словами.

– Да, да, именно теплокровные млекопитающие выжили в момент глобального похолодания после катастрофы, устроенной Черными. Я исследовала их геном и пришла к выводу, что они даже более родственны нам, чем это можно было предположить. Их метаболизм схож с нашим, и я надеюсь, что после некоторых дополнительных опытов смогу попытаться выполнить данное Крайгу обещание.

– Каким образом? – усомнился Вагнил. – Все наши установки

клонирования безвозвратно утрачены… – напомнил он.

– Я попробую обойтись без них. Эти существа, – она кивнула на внушительных размеров тушу на лабораторном столе, – удивительно схожи с нашими примитивными млекопитающими. Я хочу воспользоваться этим и попытаться имплантировать в их яйцеклетки хромосомы Крайга.

Вагнил побледнел.

– Ты хочешь сконструировать генетических уродцев! – в ужасе воскликнул он, невольно отшатнувшись от Глэты.

– Успокойся, Вагнил, уродцы станут лишь промежуточным звеном. Клона Крайга будет вынашивать самка, которая родится в результате генной инженерии. Да, это будет урод, но урод, обладающий в том числе и нашими генами, то есть способный выносить младенца нашей расы. Я прослежу, чтобы остальные экземпляры гибридных существ были уничтожены.

Вагнил лишь сокрушенно покачал головой.

Он не мог приказать Глэте, чтобы та прекратила опыты, – по существу она являлась старшим офицером корабля, следующей по рангу после Крайга, и ответ в случае чего придется держать ей.

– Ладно… – вздохнул он. – Поступай как знаешь. Мое дело – ремонт корабля.

* * *

Прошел почти год с того момента, как корабль оргорцев совершил вынужденную посадку.

Восстановительные работы вступали в свою финальную фазу, и теперь уже несколько сот роботов суетилось вокруг корабля.

Работа в лаборатории Глэты также шла полным ходом.

Ее эксперименты по весьма рискованному скрещиванию закончились успешно, и теперь три десятка г

ибридных существ томились в прозрачных вольерах лаборатории. К сожалению, лишь треть из них являлась самками, и от двух десятков генетических уродцев можно было давно избавиться, но у Глэты не поднималась рука, чтобы усыпить своих подопечных, которые за это время стали для нее чем-то вроде домашних любимцев.

Конец всему, в том числе и ее смелым экспериментам, положила страшная буря, разыгравшаяся в одну из ночей.

За год, проведенный на этой планете, стылой и негостеприимной после постигшей ее глобальной катастрофы, трое оставшихся в живых оргорцев ни разу не наблюдали ничего подобного.

С вечера у горизонта начали собираться свинцовые, наполненные пылью и влагой тучи. В чернильных облаках то и дело сверкали молнии, раскатисто, басовито рокотал, ворочался далекий гром.

Над кораблем в этот вечер попеременно шел то дождь, то снег. Ветер сначала налетал неистовыми порывами, а потом, когда начало темнеть, внезапно утих, лишь далекие, бледные вспышки молний кроили черные небеса, освещая зловещий грозовой фронт, который катился на корабль, словно вставшая на дыбы волна.

Глэта и в этот ненастный вечер, как обычно, допоздна засиделась в своей временной лаборатории под прочным пластиковым куполом, но затем Борг уговорил ее вернуться на корабль, предупредив, что несколько метеозондов уже прервали связь, очевидно, не выдержав порывов шквального ветра.

Настоящая буря накатилась ближе к полуночи.

Ветер словно сорвался с привязи. Он неистовствовал, грозя сорвать недавно восстановленные антенны локационной системы, и Вагнил, предпочитая не рисковать, сомкнул бронеплиты обшивки, пожертвовав при этом несколькими роботами, которые все еще хлопотали снаружи.

Они собрались втроем в помещении обсерватории, где все стены и потолок являлись одним огромным экраном, и молча наблюдали, как разыгравшаяся стихия бессильно бьется о броню корабля. Ветвистые молнии хлестали по земле, им вторил дождь, который поминутно переходил в град. Ветер нес мимо всяческий мусор, порой перекатывая своими шквальными порывами не только вырванные с корнем растения, но и небольшие каменные валуны.

Разыгравшаяся стихия впадала во все большее буйство, потоки воды превратили землю в грязное месиво, но промерзшая почва плохо впитывала влагу, и вскоре вокруг корабля уже бурлил грязевый поток, обтекая крейсер, словно тот был неколебимым утесом.

– Купол! Мой купол! – Глэта вскочила, прижимая руки к груди.

– Успокойся. – Вагнил насильно усадил ее на место, глядя, как разбушевавшийся сель смял серебристый корпус временной биолаборатории и понес его прочь. В глубине души он не мог не признать, что рад такому внезапному исходу, потому что опыты Глэты по генетическому слиянию двух ветвей эволюции, развившихся на разных планетах, не казались ему ни этичными, ни обоснованными.

Корабль уже фактически был готов к старту, и какая разница, будет выношен клон Крайга тут, в весьма сомнительной обстановке рискованного эксперимента, или же командира корабля попытаются реинкарнировать уже

по возвращении на Оргорту? Последний вариант казался астрогатору более приемлемым.

Ненастье бушевало всю ночь, а когда буря все же утихла и трое пришельцев получили наконец возможность выйти из корабля, их взглядам предстала удручающая картина.

Все пространство вокруг крейсера было занесено грязью, из которой торчали растительный мусор и жалкие обломки той техники, которую не успели укрыть внутри корабля перед наступлением ненастья. Пострадал не только купол Глэты, но и множество другого оборудования.

Ей не оставалось ничего другого, кроме как смириться с неизбежной потерей и ждать.

Ждать возвращения на родную Оргорту.

Единственным утешением в постигшем ее несчастье было то, что этим утром, после такой бурной ночи, они впервые увидели клочок голубого, ясного неба и настоящий рассвет, который был лишь чуть более красноватым, чем положено при нормальной прозрачности атмосферы.

Холода в экваториальном поясе планеты пошли на убыль, и появившаяся влажность успешно боролась с пылью, абсорбируя ее в липкую, выпадающую вместе с проливными дождями грязь.

Планета медленно и постепенно начала залечивать нанесенные ей Черными раны.

Оставалось надеяться, что ее эволюция продолжится, не зайдет в тупик из-за потрясших этот мир катастрофических изменений.

Глэта, естественно, не знала, что случилось с ее питомцами, которым она так вольно и самонадеянно привила драгоценный для нее генетический материал.

Ей оставалось лишь надеяться, что они не мучились, а умерли быстро и безболезненно.

Это было единственное, в чем она ошибалось в то утро.

* * *

Несколько миллиардов лет спустя.

2005 год от Рождества Христова по местному летосчислению.

ИЗ ПРОГРАММЫ НОВОСТЕЙ:

Сегодня ночью международный космический аппарат «Faeto-12» достиг пояса астероидов, расположенного между орбитами Земли и Марса. В рамках запланированных исследований бортовая аппаратура передала на Землю снимки крупного скопления астероидных глыб, которые, как предполагают ученые, являются обломками некогда существовавшей

планеты Фаэтон.

Первые переданные на Землю фото– и видеоматериалы произвели настоящую сенсацию. На снимках отчетливо видно, что часть астероидных глыб имеют идеально-ровные грани, будто они в свое время были разрезаны какой-то чудовищной силой. Предположительно такое воздействие мог оказать лазерный луч невероятной мощности.

И еще, новости из области научных открытий:

Ученые ряда стран продолжают коллективные работы по расшифровке Книги Жизни – генома человека. В ходе многолетних исследований уже последовало несколько ошеломляющих открытий, в корне меняющих наше представление о ходе эволюции жизни на Земле.

Так, например, было установлено, что у человека имеется порядка тридцати тысяч «своих» генов, специфичных исключительно для приматов и эволюционировавшего из их среды вида Homo Sapiens. Остальной генетический материал человека присущ также многим видам обитающих на Земле существ и делает нас родственниками не только млекопитающим, но даже некоторым видам насекомых. Позднейшие исследования в этой области поставили ученых перед загадкой возникновения «человеческих» генов. Лабораторные опыты показывают, что для возникновения подобных рекомбинаций недостаточно того исторического отрезка времени, в течение которого проистекала эволюция приматов.

Наиболее смелые гипотезы, суть которых уже начала проникать в прессу, выдвигают предположение о том, что часть генетического материала была занесена на Землю извне и привита примитивным млекопитающим методом генной инженерии, что способствовало резкому разделению двух ветвей эволюции приблизительно в период катастрофического вымирания динозавров и в конечном итоге предопределило появление на Земле Человека Разумного.

Так это или нет, покажут дальнейшие исследования в области расшифровки человеческого генома.

notes

Notes